

УДК 343.225(476)

Э.В. СТАЛЬМАХОВА

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ УМЕНЬШЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. впервые ввел понятие уменьшенной вменяемости. В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК Республики Беларусь лицо считается находящимся в состоянии уменьшенной вменяемости во время совершения общественно опасного деяния, если оно не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие болезненного психического расстройства или умственной отсталости. Данное лицо не освобождается от уголовной ответственности. В ч. 2 ст. 29 указывается, что состояние уменьшенной вменяемости может учитываться при назначении наказания или иных мер уголовной ответственности, а также служить основанием для применения к лицу принудительных мер безопасности и лечения.

Законодательное закрепление нормы об уменьшенной вменяемости явилось итогом оживленной дискуссии, развернутой в научной литературе и, прежде всего, по поводу вопросов применения данной новеллы. Институт уменьшенной вменяемости – один из наиболее сложных и мало изученных в уголовно-правовой науке. Вопрос об уменьшенной вменяемости долгое время был настолько неизученным, что представители права предпочитали применять знания из динамично развивающейся в этой области судебной психиатрии. В настоящее время медицинский подход к данному вопросу фактически сохранен. Рассмотрим подробнее некоторые моменты обозначенной проблемы, которые носят до конца не решенный и постановочный характер.

В научной литературе традиционно содержание понятия уменьшенной вменяемости определяется наличием двух критериев: 1) медицинского (биологического); 2) юридического (психологического) [1]. Медицинский критерий представляет собой болезненное психическое расстройство или умственную отсталость. Сущность юридического критерия уменьшенной вменяемости заключается в том, что во время совершения общественно опасного деяния способность лица отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, хотя и не утрачена, но значительно ослаблена.

Сторонники традиционной точки зрения при определении критериев уменьшенной вменяемости исходят из критериев невменяемости, законодательно закрепленной сначала в ст. 11 «Основ уголовного законодательства» 1958 г., затем в ст. 11 УК БССР (УК РСФСР) 1960 г. и, наконец, в ст. 28 ныне действующего УК Республики Беларусь 1999 г. (ст. 22 УК РФ 1996 г.).

Вместе с тем, в юридической литературе многие авторы неоднократно возвращались к вопросу о критериях уменьшенной вменяемости/невменяемости и их количестве.

Так, одни авторы (А.Н. Трайнин, А.Л. Эстрин, А.А. Пионтковский, С.И. Тихенко, Н. Полянский) считали, что необходимо определять лишь критерий **целесообразности** [2]. Ряд авторов (А.Н. Бунеев, А.М. Фейберг, М.М. Коченов, И.Ф. Случевский и др.) полагали, что «решающим и определяющим является критерий **медицинский**, т.е. установление здоровья или душевной болезни» [3]. Близко по своей сути высказывание Н.Г. Иванова, которому представляется «нецелесообразным выделять юридические и медицинские критерии невменяемости, а можно говорить лишь о необходимых патологических признаках, определяющих невменяемость». Он настаивает на единственном медико-биологическом критерии – **психофизиологическом** [4]. Другие авторы (О.Д. Ситковс-

кая, В.Е. Коновалова и др.) утверждают, что для установления уменьшенной вменяемости, невменяемости достаточен один критерий – **психологический** [5]. С точки зрения Н.С. Алексеева, понятие невменяемости содержит один критерий – **юридический**, который объединяет два признака: биологический, указывающий на формы психического расстройства, и психологический, включающий в себя описание интеллектуального и волевого моментов психической патологии.

В настоящее время в юридической литературе сформировалась группа ученых (А.А. Хомовский, Б.А. Протченко, Ю.С. Богомялков, В.Б. Первомайский, В.П. Кашепов и др.), считающих, что уменьшенная вменяемость/невменяемость характеризуется наличием трех критериев: 1) юридического; 2) медицинского; 3) психологического [6].

Сущность позиции данных авторов заключается в разделении понятий «психическое состояние» и «невменяемость», которые «являются неизмеримо более широким юридическим понятием, охватывающим помимо психического состояния лица также деяния, предусмотренные уголовным законом, и факт совершения его данным лицом». Кроме того, понятие невменяемости, считают эти исследователи, применимо «исключительно в связи с конкретным уголовно наказуемым деянием, которое инкриминируется данному лицу» [7].

В конце 60-х гг. А.А. Хомовский положил начало толкованию невменяемости как особого правового состояния. Он выделяет три признака невменяемости: 1) юридический (факт совершения преступления), 2) психологический (интеллектуальные и волевые нарушения, указывающие на степень психического расстройства) и 3) медицинский (различные формы психического расстройства).

Несколько позже Б.А. Протченко предложил рассматривать в основе юридического понятия невменяемости собственные правовые признаки. Таких признаков он указал три: 1) общественно опасное деяние; 2) факт совершения деяния данным лицом; 3) невиновное совершение деяния, обусловленное отсутствием умысла и неосторожности в действиях лица, которое в силу расстройства душевной деятельности не могло отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими [8]. Вторым предложением Б.А. Протченко является введение **многоаспектного** юридического критерия, согласно которому интеллектуальный и волевой признаки могут быть рассмотрены в двух аспектах: медицинском и правовом. Он считал, что медицинский аспект выражает неспособность лица во время совершения общественно опасного деяния отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, юридический аспект выражает фактическую правовую оценку указанной неспособности субъекта, констатацию судом его невиновности.

Отметим, что в научной литературе предложения Б.А. Протченко подверглись обстоятельной критике со стороны ряда авторов (Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, Г.В. Назаренко, С.В. Долгова, Ю.С. Богомялков).

Справедливой представляется критика Ю.С. Богомякова: «...Что касается понимания невменяемости как невиновного совершения деяния психически больным лицом, то это по существу отождествление ее с казусом и включение невменяемости в субъективную сторону преступления».

Наиболее обосновано содержание невменяемости, характеризующееся наличием трех критериев, предложенных Ю.С. Богомяковым: 1) уголовно-правовой (а) факт совершения общественно опасного деяния, (б) совпадение во времени этого факта с болезненным состоянием лица); 2) патопсихологический (прежний психологический критерий); 3) психиатрический (наличие психической болезни или иное болезненное состояние). Ю.С. Богомяков впервые

указал на самостоятельное значение такого признака, как совпадение во времени совершения лицом опасного деяния и болезненного состояния его психики. По его мнению, признаки психиатрического и патопсихологического критериев устанавливаются экспертным путем, «признаки уголовно-правового критерия устанавливаются следствием и судом».

Мы присоединяемся к авторам, считающим, что при определении понятий уменьшенной вменяемости/невменяемости необходимо наличие совокупности трех критериев: 1) юридического, 2) психологического, 3) медицинского. Представляется, что такой подход позволит решить некоторые проблемы применения норм об уменьшенной вменяемости, невменяемости.

Во-первых, многие авторы в научной литературе психическое состояние лица фактически отождествляют с правовыми понятиями «невменяемость», «уменьшенная вменяемость». В этой связи именно с таких позиций судебно-следственные органы рассматривают и применяют ст.ст. 28, 29 УК Республики Беларусь.

Так, в качестве примера приведем уголовные дела, рассмотренные судами г. Минска в период с 2001 по 2005 г.

Показательным является дело в отношении Л., обвиняемого по ч.1 ст. 207 УК Республики Беларусь. Исходя из заключения стационарной судебно-психиатрической экспертизы, «Л. в силу органического расстройства личности не мог в полной мере сознавать значение своих действий и руководить ими, нуждается в применении к нему принудительных мер безопасности и лечения». Вместе с тем, ряд вопросов, поставленных следователем перед комиссией судебных психиатров, требовал от экспертов проанализировать именно способность Л. к осознанно-волевым действиям во время совершения инкриминируемого деяния (разбоя). Суд в приговоре констатировал проведение экспертизы с краткой формулировкой выводов экспертов, согласился с тем, что Л. следует признать уменьшенно вменяемым и что надо применить к нему принудительные меры безопасности и лечения на основании ст. 106 УК Республики Беларусь.

Другим типичным примером медицинского подхода к оценке критериев уменьшенной вменяемости является уголовное дело в отношении А., обвиняемой по п.п. 1, 3, 4 ч. 2 ст. 182 УК Республики Беларусь (похищение человека).

Согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы А. страдает легкой умственной отсталостью. Далее специалисты приводят лишь некоторые моменты психического состояния лица безотносительно к конкретному совершенному деянию: «С учетом низкого ресурса интеллектуального самоконтроля, негибкости поведения в целом, недостаточности критического отношения к своим решениям и поступкам, сниженных прогностических возможностей А. не могла в полной мере сознавать значение своих действий и руководить ими. В отношении содеянного ее следует считать уменьшенно вменяемой. А. нуждается в применении принудительных мер безопасности и лечения». Оценивая указанные заключения, суд в приговоре отметил, что сомневаться в достоверности выводов экспертов нет никаких оснований [9].

На наш взгляд, главным в решении рассматриваемого вопроса является то, что наличие у лица психического расстройства (например, шизофрении, умственной отсталости, органического расстройства личности) не обуславливает решение об его вменяемости, уменьшенной вменяемости, невменяемости. Решающим является определение *существенного* влияния психического расстройства на осознанно-волевой выбор поведения лица во время инкриминируемого деяния.

Во-вторых, понятия «уменьшенная вменяемость» и «невменяемость» существуют лишь применительно к конкретному общественно опасному деянию,

предусмотренному уголовным законом. Рассматривая приведенный выше пример в отношении обвиняемой А., отметим, что законодательное требование обязывает экспертов не только констатировать психическое состояние лица, но и соотносить его психическую деятельность с *конкретным противоправным деянием*. При этом суду для признания лица уменьшенно вменяемым/невменяемым необходимо оценивать результаты экспертизы с учетом уголовно-правового критерия: 1) общественно опасное деяние, 2) совпадение во времени данного деяния и психического расстройства.

В-третьих, исходя из позиции трех критериев, на наш взгляд, можно решить вопрос о компетенции юристов и психиатров. На протяжении десятилетий в доктрине господствовала точка зрения ряда авторов (Т.Е. Морозов, М.М. Коченов, Д.Р. Лунц, Ю.А. Александровский, В.К. Степункова, И.Ф. Случевский, О.Е. Фрейеров и др.), утверждающих, что ведущую роль в определении вменяемости/невменяемости занимает судебно-психиатрическая экспертиза [10].

Характерно в этом отношении утверждение Ю.А. Александровского: «Судебно-психиатрическая экспертиза решает, освободить ли от суда преступника, признав его невменяемым и рекомендовав меры медицинской защиты общества, или же придать суду» [11].

Отметим, что именно с таких позиций приведенные нами ранее заключения экспертов воспринимаются следователями и судом как бесспорное доказательство, поскольку предполагается, что рассматривается не юридический вопрос, а медицинский. Следует подчеркнуть, что эксперты дают заключение о психическом состоянии лица в *ретроспективном* плане, что является, на наш взгляд, *предположительным* вариантом доказывания. Отметим, что психическое состояние подэкспертного на момент обследования практически редко соответствует таковому на момент совершения инкриминируемого деяния.

Мы солидарны с мнением одного из наиболее авторитетных психиатров XIX в. М. Гринингера, полагающего, что «врач не должен судить о вменяемости, – об этом совершенно юридическом вопросе; если суд поставит подобный вопрос, врач должен уклониться от ответа» [12].

Справедливым представляется утверждение Ю.С. Богомякова, «что эксперты не могут и не имеют права устанавливать вменяемость/невменяемость, т.к. они не компетентны, устанавливая факт совершения преступления». «...Только суд, оценив все доказательства (в том числе и заключения экспертизы) и установив все юридически значимые обстоятельства по делу, имеет законные основания сделать вывод о невменяемости, которая до вынесения определения судом только предполагается. Иначе создается положение, по которому эксперты предрешают вопрос о назначении лицу наказания либо об исключении уголовной ответственности».

В этой связи обратимся к проведенному нами выборочному анализу уголовных дел и судебно-психиатрических экспертных заключений, позволяющему констатировать некоторые типы наиболее распространенных вопросов судебно-следственных органов при назначении судебно-психиатрической экспертизы в отношении лиц с предполагаемой уменьшенной вменяемостью, невменяемостью [13].

К первому типу (36%) можно отнести группу вопросов: «Находилось ли данное лицо во время совершения общественно опасного деяния в состоянии уменьшенной вменяемости, невменяемости?», «Вменяемо ли лицо в отношении совершенного деяния?». Ответы на данные вопросы не входят в компетенцию судебной психолого-психиатрической экспертизы. Как отмечалось ранее, только суд имеет законные основания сделать вывод об уменьшенной вменяемости/невменяемости лица.

Второй тип вопросов (16%) содержит несколько моментов: «Страдает ли лицо каким-либо душевным заболеванием, которое не позволяет в полной мере отдавать отчет своих действий и руководить ими?», «Страдает ли лицо каким-либо психическим заболеванием, которое лишает или лишает его способности осознавать и руководить своими действиями?». Следует подчеркнуть, что современная законодательная модель уменьшенной вменяемости и невменяемости не включает понятия «душевная болезнь» и «душевное заболевание». В свою очередь, существенно сниженная способность к осознанию своих действий и руководству ими относится только к совершенному конкретному уголовно наказуемому деянию. Данная способность не должна рассматриваться в качестве постоянной характеристики лица с психическим расстройством.

Третий тип вопросов (11%), например, «Могло ли лицо правильно понимать происходящие с ним события?», «Могло ли лицо адекватно оценивать свои поступки?», не ставит перед экспертами задачу анализа в заключениях тех юридически значимых фактов, которые мы отмечали ранее.

Другой не менее важной проблемой применения ст. 29 УК Республики Беларусь является определение понятия «не в полной мере» применительно к интеллектуально-волевым способностям субъекта. Данный многоаспектный вопрос требует, на наш взгляд, дальнейшей разработки и обстоятельного изучения. Вместе с тем, отметим лишь некоторые моменты. В теории уголовного права и судебной психиатрии нет однозначного ответа, какова степень влияния психического расстройства на возможность, хотя и «в неполной мере», осознания лицом своих действий и руководства ими. Кроме того, судебно-психиатрическая экспертная практика обнаруживает, что и степень снижения интеллектуально-волевых возможностей субъекта преступления может быть различной: от незначительно измененной (несущественной) до значительно выраженной (существенной).

Некоторые авторы (Б.В. Шостакович, С.В. Полубинская, Ю.И. Скуратов и др.) считают, что в случае уменьшенной вменяемости имеет место частичное, т.е. незначительное нарушение интеллектуальных или эмоционально-волевых способностей субъекта преступления. Так, например, по мнению В.Чемрукова, «к уменьшенно вменяемым следует относить лиц, страдающих психическими аномалиями, которые во время совершения преступления *незначительно* ослабили их интеллектуальные и физические возможности». Другие (Н.Ф. Кузнецова, Б.А. Спасенников, Г.В. Назаренко, И.А. Кудрявцев, Ф.С. Сафуанов) считают, что лицо может быть признано уменьшенно вменяемым только в том случае, если во время совершения инкриминируемого деяния его способность к осознанно-волевым действиям была существенно (значительно) снижена. Представляется, что определение «существенно» наиболее соответствует современным научным исследованиям и законодательным требованиям [14].

Существенное влияние психических расстройств на осознанно-волевое поведение лиц во время совершения инкриминируемых деяний может проявляться, к примеру, в эмоциональной неустойчивости, в значительном изменении способности у них к самоконтролю. Наличие психических расстройств оказывает в данном случае влияние в такой степени на адекватность восприятия окружающей действительности, на осмысленность этих действий с позиций нравственности и морали, на возможность прогноза негативных социальных последствий для себя и общества. Так, ученые Ю.М. Антонян и С.В. Бородин отмечают, что, например, для умственно отсталых в умеренной степени характерна «импульсивность поведения. Отсутствие четкого представления о том, как себя вести в той или иной

жизненной ситуации, повышенная внушаемость, импульсивность, скудный запас общеобразовательных знаний, необъяснимые колебания настроения – все это может значительно препятствовать осознанию лицом в полной мере фактического характера и общественной опасности совершаемого деяния».

По нашему мнению, для признания лица уменьшенно вменяемым необходимо наличие трех критериев: 1) юридического (а) общественно опасное деяние; б) совпадение во времени общественно опасного деяния и психического расстройства); 2) психологического (*существенно* сниженная способность осознавать фактический характер и общественную опасность деяния); 3) психиатрического (психическое расстройство).

В порядке постановки вопроса с учетом вышеизложенного предложить Пленуму Верховного Суда Республики Беларусь обобщить судебную практику и дать судам разъяснение и рекомендации по применению ст. 29 УК Республики Беларусь.

В целях обеспечения правильного применения ст. 29 УК РБ и четкого разграничения компетенции было бы целесообразным предложить судебно-следственным органам при назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы обвиняемых (подозреваемых) задавать следующие вопросы: 1) «Страдало ли лицо во время совершения общественно опасного деяния психическим расстройством?»; 2) «Если лицо страдало психическим расстройством, то существенно ли повлияло данное расстройство на способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими во время совершения общественно опасного деяния?»; 3) «Могло ли лицо во время совершения данного деяния сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, и если могло, то в полной ли мере?»; 4) «Если лицо не могло в полной мере осознавать свои действия и руководить ими во время совершения общественно опасного деяния, существенно ли была снижена способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими?»; 5) «С учетом психического состояния в настоящее время нуждается ли данное лицо в принудительных мерах безопасности и лечения?».

Считаем своевременным нормативное определение назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы во всех случаях при предположении наличия у лица психического расстройства, существенно снижающего способность лица осознавать и руководить своими действиями во время совершения преступления, в связи с тем, что содержательная характеристика осознано-волевого поведения лица в состоянии уменьшенной вменяемости наиболее обстоятельно описывается в терминах и понятиях психологии, в таких, например, как «интеллект» и «воля».

Реализация данных предложений позволит в судебно-следственной и судебно-психиатрической практике избежать имеющихся ошибок, а также в соответствии с законом всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела в отношении лиц, способность которых осознавать значение своих действий или способность руководить ими во время совершения общественно опасного деяния были существенно снижены вследствие психического расстройства.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. напр.: *Назаренко Н.Г.* Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. – М., 2001. – С. 150; Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1996. – С. 82; Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь /

- Под общ. ред. А.В. Баркова. – Мн., 2003. – С. 30; Законодательство Российской Федерации в области психиатрии / Под общ. ред. Т.Б. Дмитриевой. – М., 2002. – С. 299; **Кудрявцев И.А.** Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., 1999. – С. 116, 117.
2. **Полянский Н.** Рецензия на книгу С.И. Тихенко «Невменяемость и вменяемость» // Право и жизнь. Кн. 2-3, 1928. – С. 112; **Эстрин А.Я.** Вменяемость // Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. – Т. 2. – М., 1929. – С. 322.
 3. См.: Судебная психиатрия / Под ред. А.Н. Бунеева, Ц.М. Фейнберг. – М., 1938. – С. 14; **Халецкий А.** Вопросы вменяемости в советском законодательстве // Социалистическая законность. – 1939. – № 7. – С. 31; **Случевский И.Ф.** О понятии невменяемости. Теоретическая конференция по вопросам борьбы с общественно опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых. – Л., 1963. – С. 14.
 4. **Иванов Н.Г.** Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: Учебное пособие для вузов. – М., 1998. – С. 168.
 5. **Конюсалова В.Е.** Правовая психология. – Харьков, 1990. – С. 10; **Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М.** Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М., 2000. – С. 115, 116.
 6. См., например: **Хомовский А.А.** Производство по применению принудительных мер медицинского характера в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1967. – С. 3; **Протченко Б.А.** К понятию невменяемости // Сов. юстиция. – 1987. – № 17. – С. 21-22; **Богомягков Ю.С.** Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Советское государство и право. – 1989. – № 4. – С. 106-107; **Первомайский В.Б.** Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 72-74; Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. В.П. Кашепов. – М., 1999. – С. 81.
 7. **Хомовский А.А.** Указ. соч. – С. 3.
 8. **Протченко Б.А.** Указ. соч. – С. 22.
 9. Архив судов г. Минска 2001 – 2004 гг.; архив экспертизы Государственной службы медицинских судебных экспертиз Беларуси, отдела судебно-психиатрических экспертиз.
 10. См. напр.: Большая медицинская энциклопедия: В 30 тт. – М., 1981. – Т. 16. – С. 243; **Коченов М.М.** Введение в судебно-психологическую экспертизу. – М., 1980. – С. 31; **Лунц Д.Р.** Критерии невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы: Автореф. дис. ... докт. мед. наук. – М., 1958; **Александровский Ю.А.** Глазами психиатра. – М., 1985; **Стяпунова В.К.** Роль судебного эксперта при исследовании вменяемости, невменяемости // Сов. гос. и право. – 1977. – № 7. – С. 105; **Случевский И.Ф.** О понятии невменяемости // Теоретическая конференция по вопросам борьбы с общественно опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых. – Л., 1956. – С. 14; **Фрейеров О.** Задачи судебно-психиатрической экспертизы // Соц. законность. – 1968. – № 1. – С. 25.
 11. **Александровский Ю.А.** Указ. соч. – С. 98.
 12. **Гризингер М.** Душевные болезни. – СПб., 1880. – С. 44.
 13. Мы провели анализ 350 заключений Государственной службы медицинских судебных экспертиз Беларуси, отдела судебно-психиатрических экспертиз, проведенные ими в 2001 – 2004 гг., и 120 уголовных дел, рассмотренных судами г. Минска и Минского района в 2001 – 2004 гг. Предложенное нами деление на три группы предложенных вопросов, поставленных судебно-следственными органами перед судебно-психиатрической комиссией, является условным.
 14. В соответствии с законодательством многих зарубежных стран (См., напр.: Уголовный кодекс Республики Польша / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – Мн., 1998. – 128 с.; Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование С.С. Беляева. – СПб., 2001. – 230 с.; Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Научное редактирование С.В. Максимова. – СПб., 2001. – 253 с.; Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, Германии, Франции): Сборник законодательных материалов / Под ред. И.Д. Козочкина. – М., 1999. – С. 248-306. По мнению ряда авторов, в доктрине уголовного права и судебной психиатрии (См., напр.: **Назаренко Г.В.** Указ. соч. – С. 161; **Кудрявцев И.А.** Указ. соч. – С. 158; **Сафуанов Ф.С.** Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. – М., 1998. –

С. 108) лицо может быть признано уменьшенно вменяемым только в том случае, если во время совершения инкриминируемого деяния его способность к осознано-волевым действиям была существенно (значительно) снижена.

SUMMARY

The number of crimes committed by people with mental frustration being increased, the theoretical research of the diminished responsibility as a legal concept is of special importance nowadays.

The norm of the diminished responsibility having been fixed in the Criminal Code of Belarus in 1999, the given multidimensional problem is still under discussion in scientific literature. It being considered from mainly two points of view: medical and legal, a medical (psychiatric) approach remains dominating. In fact, the recognition of a person to be of diminished imputability actually identifies his mental frustration with the legal concept of the diminished responsibility or irresponsibility, while the main task is to define the degree of influence of his mental frustration on his conscious choice of his own behaviour during the incriminated act. The criteria offered by the author enable to outline the frames of necessary interaction between bodies of legal investigation and judicial experts.

Thus, the purposes of the given research are to consider the acute problem of applying article 29 of the Belorussian Criminal Code, to analyze some authors' views on the given problem and to offer some theoretical and practical solutions to the outlined problems.